

Александр Филиппов

Никто, кроме нас

Документальная повесть

Александр Филиппов

**Никто, кроме нас.
Документальная повесть**

«Издательские решения»

2015

Филиппов А.

Никто, кроме нас. Документальная повесть / А. Филиппов —
«Издательские решения», 2015

Документальная повесть А. Филиппова «Никто, кроме нас», рассказывает о человеке неброской внешне судьбы – бывшем главе Адамовского района Оренбургской области Викторе Борникове. Попав на целину молодым ещё человеком, он возглавил со временем крупнейший совхоз, а затем, в самые переломные 90-е годы, район. Книга представляет интерес для всех, кто изучает новейшую историю современной России.

© Филиппов А., 2015

© Издательские решения, 2015

Содержание

Предисловие автора	6
Дорогу осилит идущий	7
Здравствуй, земля целинная!	14
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Никто, кроме нас
Документальная повесть
Александр Филиппов

© Александр Филиппов, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Предисловие автора

Книга, которую вы держите сейчас в руках, читатель, родилась не сразу. С героем повествования, Виктором Дмитриевичем Борниковым, я знаком давно. Постепенно, на протяжении лет, выкристаллизовывалась мысль о том, что этот человек не броской внешне судьбы, по своему уникальный, и достойный того, что бы о нём писать. Мы часто упрекаем современных писателей в том, что они как бы оторвались от земли, не замечают, игнорируют живущих на ней реальных людей, которые редко становятся героями литературных произведений. И в этом плане книга «Никто, кроме нас», является попыткой восполнить этот пробел, рассказать о человеке из числа тех, на ком испокон веков Россия держится.

Необходимо также оговорить сразу, что инициатором создания этой книги стал именно автор, которому довольно долго пришлось уговаривать своего героя откровенно рассказать о пережитом. Свидетелем некоторых событий, изложенных в этом повествовании, являлся я сам.

Таким образом, ответственность за оценки поступков тех или иных персонажей книги целиком лежит на совести автора. Как принято выражаться нынче, эти оценки далеко не всегда совпадают с точкой зрения главного героя.

Дорогу осилит идущий

Так сложилось, что новый, 1960 год, молодой управляющий отделением совхоза «Пономарёвский» Виктор Борников встретил в дороге.

От отделения до центральной усадьбы, где жила чернобровая красавица, библиотекарь Тамара Радок, всего-то четырнадцать километров.

– Возьми Буяна, пусть разомнётся, а то застоялся! – предложил управляющему дежурный конюх Роман Иванович.

В то время Виктору, как всякому сельскому руководителю, для разъездов, вместо нынешнего персонального автомобиля, положен был конь. Лошадей для таких случаев всегда в совхозной конюшне держали. Надо ехать – запрягай, и с Богом!

Расстояние, отделявшее Борникова от любимой, орловский рысак Буян одолел играючи, минут за сорок. Чистый снег, серебриющийся в лунном свете, скрипел весело под полозьями. Бой кремлёвских курантов из радиорепродуктора, означающих наступление нового года, встретили за небогатым, но добротной крестьянской снедью уставленным столом. У Виктора с Тamarой дело к свадьбе шло. Порешили: весной и сыграют.

Однако засиживаться молодому управляющему даже в праздник некогда было. К утру надо обязательно поспеть в Богородское, на отделение, и доярок, скотников с наступившим новым годом поздравить. Выходных-то у сельских тружеников, не в пример городским, не бывает. Корова, прочая скотина что в будни, что в праздники, одинаково кушать хочет. Опять же, утренняя дойка ни свет, ни заря начинается. А какой пример подчинённым руководитель подаст, если сам первого января спозаранку на работе, как штык, не появится, а будет в теплой постели нежиться, или того хуже – бражничать?

А потому вскоре после полуночи пустился Виктор в обратный путь. Буян шёл споро, розвальни легко скользили по наезженной зимней дороге. В тулупе тепло, впору задремать, отпустив вожжи – конь путь к дому хорошо знает.

А между тем вдруг начал ветерок задувать, снег пошёл – сперва реденькими хлопьями, а потом всё сильнее, плотнее... Страшен буран в степи. Но в этот раз пугаться-то нечего. До Богородского рукой подать! Да что-то всё нет и нет его, Богородского-то. Не светятся приветливо в ночи окошки натопленных жарко изб, а уж по времени пора бы!

А снег валил уже стеной, ветер выл, переметая дорогу, спряталась, утонула в чёрных тучах луна, ни зги не видать. Буян сбавил ход, трусил неспешно, а потом, утопая в сугробах, и вовсе на шаг перешёл, вздымал бока, дыша запалено. Дорога исчезла, сравнялась с окрестной степью. Непроглядная темень, а тут ещё колкий, морозный снег в лицо, как назло, да так сечёт, что глаз открыть невозможно.

Поняв, что заблудился, жалея коня, Виктор выпряг его из саней. Над ними тут же намело высокий сугроб. Повёл Буяна под узцы, по колено в снегу. Длиннополый тулуп казался неимоверно тяжёлым. А тут ещё конь – спокойный, ласковый, совсем из сил выбился. Положил морду на плечо хозяину, который и без того едва брёл, и тащился следом за человеком не спеша, ели ноги переставлял.

Долго шли. Ни жилья, никаких ориентиров. Где они оказались, в какой стороне, далеко ли от дома – неведомо. Только буран и яростно гудящая штормовым ветром темнота. И так велик был соблазн, выбившись из сил, опуститься устало на мягкий, податливый снег, дать отдых ногам, сомкнуть отяжелевшие веки, плотнее завернувшись в тулуп, и уснуть... Однако Борников отчётливо понимал, что сон этот окажется вечным. Движение — жизнь, а остановка на трудном участке пути – верная смерть. А потому всё шёл и шёл, волоча за собой шатающегося от шквалистого ветра и слабости Буяна.

Светать уже начало. Тут-то и наткнулись они на одинокий омет.

Виктор кое-как разгрёб сено руками, выкопал что-то вроде пещеры, забрался в тёп- лое нутро вместе с Буяном, повалился без сил. Буран остался снаружи, за толстыми стенами из сухой, сохранившей духмяный запах лета, люцерны.

До слёз ему было жалко – нет, не себя, а совхозного коня. Запалился, пасть может. Живо- тина, она хоть и сильнее, но не выносливее человека. Те, кто в недавнюю пору из сталинских лагерей возвращаться стали, рассказывали: люди выдерживали в золотых забоях по полгода, а кони через два месяца дохли... Но тут услышал облегчённо: Буян перестал дрожать, захрупал аппетитно сеном. Значит, жить будет.

В тёплой, безветренной и безопасной пещере можно и поспать – буран-то не на шутку разгулялся, когда ещё остановится! Но пережитое волнение прогнало сон. Виктор принялся вспоминать свою недлинную пока жизнь.

Детство... А было ли оно у него? Нет, детские годы, конечно, были. Но, сколько помнил он себя, проходили они всегда в работе, в заботах о хлебе насущном.

Родился он в 1936 году. А в 1937-м отца, Дмитрия Ильича, арестовали. Виктор по мало- летству этого, естественно, помнить не мог, по рассказам мамы, Дарьи Васильевны, знал. Про- держав под стражей семь месяцев, отца отпустили. Значит, не всех, попавших в НКВД, репрес- сировали тогда, с кем-то и разбирались.

Отец родом из Сибири был. В 1921 году, когда в Поволжье разразился страшный, до людоедства, затронувший и Оренбуржье, голод, родители отправили дочь Дарью, будущую маму Виктора, к родне в Омск. Там-то и познакомилась она с Дмитрием Ильичём, учителем по образованию, вышла за него замуж. В 1923 году молодые переехали в Пономарёвский район. Дмитрий Ильич стал директором школы в селе Комячки. Школа была четырёхлетняя, дирек- тор и преподавал в ней все предметы. В селе его уважали, избрали секретарём партячейки.

К сожалению, Виктор знал отца только по рассказам и воспоминаниям близких. Потому что погиб Дмитрий Ильич всего год спустя после счастливого избавления от застенков НКВД.

Рядом со школой располагался колодец. Глубокий, добротный, камнем диким изнутри выложенный. И надо же такому случиться – оторвалась вдруг бадья, которой черпали из него чистую, студеную воду.

Дмитрий Ильич полез доставать бадью. Никто и предположить не мог, что на дне колодца таится смерть! Из недр земли туда, оказывается, сочился удушливый газ. Безопасный, неза- метный, если брать воду, поднимая её наверх. Но ядовитый для дыхания.

Дмитрий Ильич, спустившись на дно колодца, вдохнул этот газ. И мгновенно поте- рял сознание, даже на помощь позвать народ не успел. Пока односельчане поняли, что что- то неладно, пока догадались спустить во след директору школы мужика, который тоже чуть не помер, едва откачали, пока вытащили-таки Дмитрия Ильича, было уже поздно.

Осталась мама Виктора, Дарья Васильевна, вдовой с пятерыми, мал – мала меньше, детьми...

Виктор повернулся на другой бок, нащупал морду коня, погладил. Тот хрустел сеном, думая о чём-то своём. В степи всё свирепствовал, бушевал буран, но под его вой не спалось, вспоминалось...

Понимая, что в одиночку дочери с ребяtnей не справится, её родители, дедушка с бабуш- кой Виктора, Василий Яковлевич и Прасковья Никитична Алябьевы, забрали всё семейство из Комячки к себе, в Алябино.

А тут вскоре война, голодуха! В колхозе – трудодни, да на них и в конце года ничего не давали. Спасались огородами да личным подсобным хозяйством. Огороды в Алябино были большие, земля тучная, чернозём такой, что хоть на хлеб намазывай. Сеяли рожь, растили свеклу, морковь, брюкву, капусту да огурцы, тыкву, а уж картошку – всенепременно, основной крестьянской пищей картофель всегда был. Беда в том, что и её не хватало. В войну всё, и выращенное во дворах колхозников, шло для фронта и для победы.

Виктор помнил, как ели лебеду. Лакомым блюдом ему, младшему в большом, вечно голодном семействе, казалась так называемая «соломать». Это когда отварную картошку толкли с горстью муки, обжаривали добавляли сепаратного молока – объеденье! Сливочного масла в ту пору не было в деревенских домах. И хотя держали коров, масло, молоко, мясо, яйца, даже шкуры свиные – всё по описи государству сдавали! Жмых и сейчас Виктору вкуснее халвы кажется.

Сколько помнил Виктор себя, с измальства – всегда при деле. Огород обихаживать – полоть, поливать, – его обязанность. Опять же, за скотиной ходить, сена задать, – тоже он. В колхозе – всё в ручную. Пахали, боронили да косили на быках. Лошадей оставалось мало, их в армию реквизируют. Виктор и ростом-то – от горшка два вершка, а уже погонщиком. Шестой класс закончил – серьёзное дело доверили: поставили помощником конюха. Конюхом был фронтовик Захар Иванович, а Виктор у него на подхвате. Корму лошадям задать, почистить, напоить, в ночное сгонять...

К слову, уже в ту пору, звали на селе паренька уважительно, по имени-отчеству, Дмитричем. Сперва, должно быть, в память об отце, уважаемом человеке. А потом и сам Виктор заслужил право именоваться по отчеству.

Раз, помнится, отправили его, малолетку, с двумя ребятами постарше, из Алябино в соседнее село Беседино. Там на реке Кинель мельница водяная стояла. Шёл 1947-й, послевоенный, но всё ещё голодный для села год. Взрослые в поле, а пацанов послали на быках колхозную рожь смолоть.

Самый старший из троицы, Николай Кутепов, паренёк хваткий да шустрый. Прихватил с собой корчажку какую-то, вроде доньшка от ведра цинкового.

Смололи рожь на мельнице, погрузили, кряхтя и надрывая пупки, мешки в телегу, в обратный путь тронулись. А есть хочется – спасу нет! Николай Кутепов и говорит:

– Сейчас, пацаны, я вас лепёшками досыта накормлю!

Сыпанул в припасённую корчажку ржаной муки из мешка, воды добавил, замесил тесто. Разжёл костёр, доньшко ведёрное, будто сковороду, на огне раскалил, шмякнул комочки теста, поджарил – и впрямь лепёшки!

Наелись впервые за много дней – от пуза! И поехали дальше. Но расплата настигла обжор почти мгновенно. Животы словно ножом резать начало, тошнота, рвота...

Кое-как бледные, ослабшие, девять километров до родного Алябина одолели, чуть живыми приехали...

Дедушка с бабушкой, да мама с братом и сёстрами Виктора вроде как на два хозяйства жили. Так выгоднее для семьи выходило, потому что не одну, а две коровы можно было держать.

Сено косили по неудобьям, оврагам да косогорам, лесочкам да балкам, далеко от села. Уезжали на косьбу с ночёвкой, жили в шалаше, или по местному – в балагане, сложенном из веток да травы. Дед, Василий Яковлевич, непременно Виктора с собой брал.

– Коси коса, пока роса, роса долой, и мы домой, – приговаривал дед под звон литовки.

Но прекращать работу после того, как роса подсохнет, не получалось. Косили, махали косой под палящим зноем, под обстрелами комаров и слепней, до изнеможения. Пот градом, рубашку хоть выжимай – в бане так не пропаришься, не пропотеешь! Но баня – то удовольствие, а косьба – труд, тяжёлый, на измор.

Вечером – ужин скудный, кулеш на костерке сваренный. Похлебал с дедом деревянной ложкой из котелка, и спать. А утром опять всё с начала.

Дед прихрамывал. От того и на фронт не попал. Был он мужиком не слишком разговорчивым. Взгляд – тяжёлый, пронзительный. Когда много позже Виктор посмотрел фильм «Тихий Дон» по роману Михаила Шолохова, то удивился. Артист, что отца Григория Мелихова играл – вылитый дед, Василий Яковлевич!

Выпивкой дед не баловался, но, поскольку пчёл на подворье держал, медовуха в доме была. Изредка, выпив ковшик, становился разговорчивее, любил прихвастнуть прежними подвигами молодецкими. Да бабушка его окорачивала:

– Ты, Вась, помолчал бы! Вот свёкор, отец твой, богатырь был. А ты раз в драку полез, так тебе так наподдали, что ты на печи две недели отлёживался, и на всю жизнь охромел!

В Алябино жителей по фамилии Алябьевы много было. Потому и клички, чтоб различать, о ком речь идёт, друг другу давали. Семейство бабушки с дедушкой, а по наследству и дочери, Борниковой, Яковиванычами звали. По имени-отчеству отца дедушки, Якова Ивановича Алябьева.

Виктор его уже не застал, прадед в 1938 году умер. Но силищи он необыкновенной был, тем и запомнился крепко односельчанам. Бывало, рассказывали, почистит в стойле за скотиной, навалит полные сани с верхом навоза, а лошадь не впрягает, жалеет: «Я, – говорит, – сам быстрее управлюсь». Возьмётся за оглобли, да и сволочёт дровни со двора. Потом, когда лошадей всех в колхоз забрали, сила его в хозяйстве особенно пригодилась. И за коня, и за вола на себе всё таскал.

Село Алябино река Кинель надвое рассекает. По одну сторону – две бригады колхоза имени Степана Разина обосновались, третья – на другой стороне. Вот мужики с разных концов и мерялись постоянно силой, сходились стенка на стенку в кулачных боях. И равных в тех схватках Якову Ивановичу не было. Противников он одним ударом с ног сшибал, а его до старости одолеть так никто и не смог!

...Виктор опять завертелся в недрах омета. Буян обеспокоенно переступил с ноги на ногу, всхрапнул тревожно.

– Ну, не балуй у меня! – окоротил его Виктор. – Затопчешь ведь! Что б ты без меня делал? Сгинул в степи! А сейчас отдохнул, отъелся, и заскучал? Рано нам дальше трогаться. Буран-то всё не стихает. Разгулялся на сутки, не меньше. Так что стой смирно, не вертись. Тебе хорошо, ты с головой харчем укрыт. А мне и поесть нечего... Эх, жаль, на ферму с утра не попал, народ не поздравил! Нехорошо получилось...

И опять вспоминалось ему детство – босоное, но не безмятежное, всё больше голодное, работой, часто для мальчика непосильной, наполненное...

Война догорала где-то на Западе, в село начали возвращаться фронтовики. Первым пришёл Иван Черкасов. Жил он по соседству, через три дома. Посылок с фронта много слал, трофеев, как тогда говорили. Единственный из всех фронтовиков. Другие-то головы на полях сражения клали, без рук, без ног возвращались, и посылки от них никто не дождался. А этот зажиточным слыл, вроде как по ранению, ещё Победу не объявили, раньше всех воротился.

Его по нехватке мужиков бригадиром в колхозе поставили. Щеголял во френче немецком, хвастался своими боевыми подвигами, каждый день – под хмельком. Видать, было выпить на что!

А когда настоящие фронтовики объявились, они вмиг раскусили, что Черкасов за вояка такой.

Кузнец Нестор Николаевич Бышкин, всю войну на передовой отпахавший, переговорил с Черкасовым, да и приложил его пудовым, натруженным кулаком в ухо. А односельчанам объяснил гневно:

– Этот гад в похоронной команде служил, пороху и не нюхал. Они за войсками по тылам шли, мертвецов и наших, и немцев обирали. Что-то ценное начальству сдавали, что-то для себя припрятывали. Отсюда у него и трофеи богатые. А ранили его, небось, свои же, с кем служил. Видать, шмотьё, с трупов содранное, не поделили, передрались, как стервятники...

После того бойца похоронной команды сельчане стали обходить стороной, с бригадиров его погнало, он запил горькую, и вскоре вовсе исчез из села.

С того случая уяснил для себя Виктор: добро, нажитое несправедливо, впрок не идёт. Всего надо в этой жизни своими руками, честным трудом добиваться. Большинство людей, окружавших его, так и жили. На общественном поле, на колхозной ферме с зари до зари, выкраивая толику времени и для своих огородов, скотинки.

Зарабатывали, кто как мог. Например. В Алябино ещё и подсобный промысел – алебастр в окрестных горах добывали. Найдут жилу, залегающую на метр – два под землёй, окопают, выломают кайлом куски поувесистее, очистят от грязи, разведут большой костёр, и обжигают на нём. Потом после обжига дробят в порошок, просеивают, как муку, и по мешкам рассыпают.

Продавали в соседний Александровский район, в поездки отправлялись артелью. Особо хорошим спросом алебастр у немцев тамошних пользовался. Народ они аккуратный, чистоту любят. А алебастром и дома белить можно, и стены штукатурить, умельцы из него посуду лепили, игрушки разные. Но, поскольку денег и у немцев не было, не столько продавали, сколько меняли алябинцы свой алебастр – на пшеницу, муку, одежку – кто как договорится...

Виктор поднялся, раздвинул руками сено, выглянул наружу. Совсем рассвело, но буран и не думал стихать. Всё окрест было затянуто белой тугой пеленой. Отойти на несколько шагов от спасительного омета – и не видно уже ни зги, степь поглотит, завалит сугробом, заставит остановиться, упасть с тем, чтобы уже никогда не подняться.

Он отступил в уютное, безопасное нутро, спрятался за стенами из плотно слежавшейся люцерны, досадуя на то, что непогода затягивается ещё как минимум на сутки. Интересно, хватились ли его уже на отделении? Или решили, что загулял молодой управляющий, или отсыпается дома после новогодней ночи. Ведь сегодня первое января, выходной, и где-нибудь в городе, райцентре люди сейчас и не думают ни о какой работе, пошли по гостям, ведут детишек на ёлки в клубах и Домах культуры, в парках и на площадях, и снег, обильно падающий с небес, не пугает их, не сулит им беды, а наоборот, радуется, и на него неодобрительно смотрят разве что дворники. Гуляющий празднично народ не догадывается даже, что где-то далеко, в степи, буран едва не погубил человека.

Но не погубил ведь, не одолел! – озарено подумал Виктор. Это они с верным Буяном одолели ненастье, уцелели в открытой степи в страшный буран, который всё равно когда-нибудь кончится обязательно, и они опять продолжат свой путь, а в конце этого пути всё будет хорошо. Потому что если человек напрягается, не пасует перед трудностями, поступает по совести, ему в итоге непременно воздастся.

Виктор опять погрузился в воспоминания. Да и чем заниматься ещё во время вынужденного безделья? Тем более, что ему, пожалуй, впервые в жизни, не считая, конечно, младенчества, довелось вот так, не спеша никуда, валяться на сене и предаваться праздным, в общем-то, размышлениям.

После окончания семилетки перед Виктором встал вопрос: как быть дальше? Работать в колхозе, или продолжить учёбу? Но если учиться, то на что? У мамы денег на содержание студента нет, дедушка с бабушкой такую ношу тоже не вынесут.

К тому времени от большой некогда семьи Борниковых осталось лишь трое. Старший брат Виктора. Женя, погиб в боях с японцами на Дальнем востоке 27 августа 1945 года, за несколько дней до окончания войны. Одна сестра умерла в 1943 году, в самое голодное время. Другая утонула, сорвавшись в половодье в овраг, когда переходила мосток по дороге в школу. Остались у мамы он, Виктор, да сестра Рая.

Когда Виктор окончил семь классов, стали решать, где учиться дальше. В Алябино школа была семилетняя. Относительно неподалёку, в селе Знаменка Белебеевского района Башкирии, был сельскохозяйственный техникум. А при нём – годичные курсы полеводов и животноводов. Образование на этих курсах давали, по сути, среднее специальное, преподаватели, учебная база те же, что и в техникуме, а учиться всего год, а не три.

Виктор обратился к руководству совхоза «Пономарёвский». От совхоза его и направили на курсы полеводов в 1951 году.

Большинство учащихся курсов оказались взрослыми людьми, бывшими фронтовиками, обременёнными семьями. Виктор, вчерашний семиклассник, был самым младшим из них. Со свежими знаниями, страстным желанием постичь профессию, он отличался в учёбе.

В техникуме ему понравилось. Располагалось это заведение в бывшем поместье племянника знаменитого графа Юсупова, и студенты обитали в трёхэтажных дворянских покоях. На первом этаже – класс, на втором размещались будущие животноводы, на третьем – полеводы. Из окон окрестности далеко видно. Красивейшее место! Старинный парк с вековыми дубами и липами, елями, пруд, вокруг – дремучие леса, горы.

Директор техникума, фронтовик, полковник в отставке Павел Алексеевич Коноплёв, привечал смышленного студента. Тем более, что тот был круглым отличником. Знал так, что от зубов отскакивало, теорию, постигал практику на полях учхоза, где впервые увидел новейшую по тем временам технику трактора, комбайны, жатки. Его родной колхоз имени Степана Разина в ту пору такой не имел. В техникуме у Борникова выработалось глубочайшее уважение к знаниям, научному земледелию.

Закончив курсы полеводов с отличием, Виктор вернулся на работу в совхоз «Пономарёвский». Созданный в 1929 году, совхоз был не только первым в районе, но и сильнейшим коллективным хозяйством. Абы кого на работу туда не брали. А вчерашнего школьника не только взяли, но и определили на должность полевода – это среднее звено между бригадиром и агрономом. Для мальчишки шестнадцати лет – большая честь!

Страсть к учёбе у Виктора не иссякла. В тот же год он поступил на заочное агрономическое отделение Бугурусланского сельскохозяйственного техникума. К сожалению, тот, что находился в Знаменке, к тому времени уже закрыли.

У руководства совхоза молодой специалист был на хорошем счету. Его назначили агрономом, однако в 1954 году призвали в армию.

Служить Борникову довелось в группе советских войск в Германии. Но недолго. Через год его демобилизовали, как единственного кормильца в семье. Армейские трудности Виктора не пугали, но всё-таки, будучи сугубо штатским по натуре человеком, он тосковал по родным просторам, полям, и солдатскую гимнастёрку снял без особого сожаления.

Его место агронома в совхозе оказалось занятым. Начальство в соответствии с законом собиралось восстановить бывшего солдата в прежней должности, однако Борников отказался. Занявшая его место Зоя Никифорова была матерью двоих детей, а он – парень молодой, как говорится, всё впереди. И стал работать бригадиром животноводов на первом отделении. Рассудил здраво: знания, опыт лишними не бывают. В полеводстве он кое-чего уже постиг, можно и с животноводством познакомиться ближе.

Смышлёного, старательного парня руководство хозяйства заметило. Молодёжь избрала Виктора секретарём комитета комсомола совхоза. Вскоре эту должность сделали освобождённой. И опять – забот полон рот, с работы хоть не уходи. Ведь теперь он отвечал не только за производственный процесс, урожайность, надои и привесы, но и за быт, досуг молодёжи, которой не в пример нынешним временам, много было тогда в селе. А это значит, что рабочий день у него не заканчивался, когда гасли окна в совхозной конторе – и за полночь могли разбудить, и в выходные на людях, на субботниках да воскресниках. Но и бесценный опыт руководства коллективом приобретался, который пригодился Борникову потом на всю жизнь.

Время, о котором идёт речь, было не простым для села. Никита Сергеевич Хрущёв, стоявший во главе государства, аграрному комплексу страны особое внимание уделял. Были у него, конечно, и неудачные эксперименты, над которыми народ посмеивался украдкой, вроде повсеместного насаждения кукурузы, там, где она испокон веков произрастать не могла, но и хороших дел, как считал Виктор, предостаточно было. Начали распахивать целину. В село

пошла мощная, передовая техника. Обустраивался быт селян, прокладывались дороги. Всё это не могли не оценить крестьяне, которых до того всё больше прижимали, выдавливали все соки, почти ничего не давая взамен.

В 1957 году, следуя указаниям Хрущёва по ликвидации нерентабельных хозяйств путём слияния с сильными, совхоз «Пономарёвский» укрупнили, присоединив к нему бывший колхоз имени Степана Разина и три села: Беседино, Алябино, Новобогородское. В Новобогородском организовали крупное отделение. Три гурта скота, доярки в очередь на работу становились. Трактористы трудились в две смены. А вот дисциплина оказалась хуже некуда.

Вместо скудных трудодней в бывшем колхозе новоявленным рабочим совхоза стали начислять ежемесячно полную, немалую по тогдашним меркам, зарплату. Казалось бы, радуйся, работай, зарабатывай, повышай своё благосостояние! Но поистине русская душа – загадочна. Загулял, заколобродил народ, ощутив в карманах непривычный доселе хруст бумажных купюр. Самогонка по селу рекой полилась. За полтора года три управляющих отделением сменилось – кто так и не сумел справиться с бедовым народом, кто сам запил горькую.

Туда-то, отчаявшись найти подходящего человека, и направили управляющим отделением трезвого, грамотного комсомольского вожака Виктора Борникова.

И сумел-таки он привести в чувство, настроить на рабочий лад загулявший народ, наладил трудовую дисциплину в худшем во всём совхозе, отстающем вечно от остальных по всем показателям отделения. Как? Да очень просто – личным примером. Раньше всех приходил на работу, позже всех уходил. Был всегда трезв. Глядя на него, засовестились, подтянулись и другие сельчане.

Вот почему сейчас Виктор переживал так остро своё вынужденное отсутствие на работе: решит народ, что начальник дал слабину, и опять загуляет без пригляда, сорвётся в штопор...

В таких беспокойных метаниях прошли ещё день и ночь.

А утром следующего дня, 2 января, когда обессилив, стих, наконец, буран, послышался рокот тракторов в отдалении. Оказалось, искали его, Виктора. Никто не счёл молодого управляющего отдыхающим праздным, не заподозрил в загуле. Хватились сразу, понимая, что раз нет Борникова на работе – буран помешал. Но искать в снежной круговерти бесполезно было. Надеяться – не растеряется парень, переждёт где-нибудь непогоду. А как стих снегопад, директор совхоза Яков Романович Штильман сразу отрядил отряд трактористов на поиски.

Промахнулись Виктор с Буяном мимо своего села, ушли в сторону Абдулино, очутились в окрестностях села Зыково.

...Но никогда потом за всю жизнь не жалел Виктор Борников о тех долгих часах, проведённых в снежном плену. Потому что многое обдумал тогда, решил для себя. И уяснил крепко главное: если трудится, не покладая рук, не за страх, а за совесть, люди всегда поддержат. А в трудную минуту непременно придут на помощь.

Здравствуй, земля целинная!

Тем временем в стране вовсю разворачивалась целинная эпопея. В Оренбургскую область съезжалась молодёжь со всех концов СССР. По экранам страны триумфально шёл художественный фильм «Иван Бровкин на целине». Основные съёмки проходили в совхозе «Комсомольский» Адамовского района. Виктор Борников тоже смотрел эту картину, размышляя: вот как должна быть организована правильная жизнь простого советского человека! Добросовестный, беззаветный труд на благо общества, государства, а взамен тебе – и почёт, и ордена, и жильё со всеми удобствами, и зарплата высокая. Правда, обратил внимание на одну деталь: у героев кинофильма, сельских тружеников, никакого подворья. Ни скотины, ни огорода. В поле ходят на работу, как на завод, а больше и никаких проблем... В те годы установка партии, приписываемая Никите Сергеевичу Хрущёву, такая была: личное хозяйство иметь колхознику как бы и ни к чему. Облагали налогом и корову, и яблоню в саду. Работай, мол, в коллективном хозяйстве, а государство всем тебя обеспечит. И вообще, до коммунизма рукой подать, лет через двадцать наступит, году эдак в 80-м, а вы в него со своими частно-собственными привычками.

К сожалению, оглядываясь вокруг, Виктор понимал, что и коммунизм, и даже идеальная сельская жизнь, показанная, как пример сельским труженикам в «Иване Бровкине», мало пока достижимы.

Труд сельский, как и было это испокон веков, тяжёл, богатства, обихаживая ниву, ещё никто не скопил, деревенский быт не отлажен, вода в доме, тёплый туалет с ванной только в кино и видели, за каждой мелочью, одежкой в райцентр по ухабистым, непроезжим в распутицу дорогам мотаться приходится, да и купить эту одежку зачастую не на что... Но казалось тогда, в начале шестидесятых годов: ещё чуть-чуть поднажмём, целину поднимем, сибирские реки плотинами перегордим, космос освоим – и вот оно, всеобщее счастье! В 1980-м, когда коммунизм наступит, будет ему, Виктору, сорок пять лет, много, конечно, но до старости далеко. Успеет пожить в самой передовой общественно-политической формации!

Осваивали непаханные веками земли и в Пономарёвском районе. И хотя совхоз «Пономарёвский» не относился к целинным, возглавлял его в то время приезжий москвич Яков Романович Штильман. Поговаривали, что в столице он ходил в больших чинах, да угодил под чистку при замене партбилетов в 1954 году. ВКП (б) стала просто Всесоюзной коммунистической партией, а букву «б», означавшую её принадлежность к большевикам, убрали – никаких меньшевиков к тому времени не осталось.

Партбилеты, тем не менее, меняли не механически, кое-кому новые корочки так и не выдали. В их числе оказался и Штильман. Спалился он, как рассказывали шепотком, на «хозяйственном обрастании», построил роскошную дачу в Подмоскovie в угоду супруге. Вот и послали его в сельскую глубинку вроде как на исправление. Сначала главным инженером работал, а потом и совхоз Пономарёвский возглавил.

Народ к нему присмотрелся, и по своему рассудил: «хоть и еврей, а человек хороший». Виктор Борников, наведший порядок в проблемном отделении совхоза, был у Штильмана на особом счету. Видел умудрённый, битый жизнью директор, что парень с перспективой.

Понимал Яков Романович и то, что особых лавров он, как руководитель, в Пономарёвском районе удостоится вряд ли. Другое дело – Адамовский, самое остриё, можно сказать, битвы за целину. Первые директора совхозов, что степь распахивали, все звания Героев Социалистического труда получили, им по автомобилю «Победа» в качестве ценного подарка выдали. А потому вскоре перебрался Штильман в Адамовский район, заместителем начальника треста. К слову, шефом его стал Илларион Степанович Шинкаренко, знаменитый

на целине человек. Чуть позже, в 1964 году, когда из Адамовского выделили Светлинский район, его туда первым секретарём райкома партии назначили.

Оказался в Адамовском районе и ещё один земляк Борникова – Алексей Ефремович Власюк. Работал он когда-то председателем Новоорского райисполкома, потом пришёл в Пономарёвку первым секретарём райкома партии.

С ним Виктор Борников в ту пору на почве любви к лошадям сошёлся.

Надо помнить, что ни дорог путёвых, ни автомобилей в достатке в райцентрах, а тем более в деревнях, в пятидесятых – начале шестидесятых годов не было. Главным средством передвижения руководителей всех рангов, включая первых секретарей райкомов, оставалась лошадь. А лошади в совхозе «Пономарёвском» были отменные!

Дело в том, что во время войны сюда был эвакуирован знаменитый на весь мир Хреновский конезавод – три тысячи отборных племенных орловских рысаков. К слову, и Буян, упомянутый в первой главе, был того же происхождения. Стратегическую важность эвакуированного хозяйства подчёркивало то, что командовал им не гражданский председатель, а генерал-майор по фамилии Шевченко. После окончания войны конезавод вернулся на прежнее место дислокации, но часть лошадей осталась.

В небольшой конюшне на отделении Виктора Борникова содержалось несколько отборных орловских рысаков. И первый секретарь райкома частенько наведывался туда – конями чистых кровей полюбоваться, на жеребцах элитных погарцевать.

Но, конечно, не за любовь к лошадям ценили молодого управляющего Власюк и Штильман, а за грамотность, деловитость, за то, что дневал и ночевал на работе.

После перевода на целину, что можно было расценивать как повышение, ибо в те годы даже директоров целинных совхозов решением Политбюро ЦК КПСС назначали, Власюк подтянул за собой старые, проверенные в деле кадры. Вспомнил он и о Викторе Борникове.

К тому времени Виктор был женат – сыграли они вскоре после памятного плутания в пурге свадьбу с любимой и единственной на всю жизнь Тамарой Радок, ставшей теперь тоже Борниковой.

Тамара Андреевна – тоже родом из крестьянской семьи. Родители её, Андрей Васильевич и Софья Михайловна, были переселенцами с Украины. Мамина семья перебралась в Оренбургье в 1905 году, отца – в 1927-м, из Киевской области. У Тамары было ещё пятеро братьев и сестёр, все работающие, деловые.

И в Викторе она оценила прежде всего серьёзность. Был он парнем со всех сторон положительным: не пил, не курил. В работе добросовестный, ответственный...

И не ошиблась. Двое сыновей у них родилось ко времени переезда на целину: старший, Александр, в 1961 году, и Вячеслав в 1962-м.

Непросто принималось решение о переезде на новое место жительства. На родине, в совхозе «Пономарёвском», всё отлажено. Есть дом, родня рядом, уважение односельчан, а там-то, на целине, ещё как-то всё сложится?! К тому же переезжать требовалось всем семейством, кроме жены и детей маму престарелую с собой забирать, да и сестра Рая заявила, дескать, без вас здесь не останусь, тоже двинусь на целину!

В парткоме совхоза к решению коммуниста Борникова, вступившего в партию в 1959 году, отнеслись без энтузиазма – хорошие специалисты самим нужны! Но интересы государства, придававшего особое значение освоению залежных и целинных земель, возобладали в конце концов.

Так Виктор Борников в 1963 году оказался в Адамовском районе, в эпицентре, можно сказать, битвы за целину.

Власюк определил его на должность инспектора-организатора. Функциональные обязанности – примерно те же, что и у инструктора райкома партии, надзирающего за хозяйственными делами на вверенной территории.

Не сказать, чтобы новая должность пришлась по душе Борникову, которого звали теперь уважительно, по имени-отчеству: Виктор Дмитриевич. Он скучал по земле, стремился не к «организующей и направляющей», каковой считалась тогда роль партии в жизни общества, а к привычной, конкретной работе в поле, на ферме.

В 1963 году с момента начала освоения целинных земель прошло уже восемь лет. Отгремели фанфары, всё реже наезжали в поля столичные журналисты. Отходила в прошлое романтика палаточных городков. Те, кто приехал в оренбургские степи из городов, следуя всеобщему порыву, энтузиазму, в большинстве своём разъехались по домам. На смену экзотике, комсомольскому задору пришли суровые сельские будни.

Впрочем, и тех, кто остался, прикипев душой к целинной земле, к здешним бескрайним просторам, оказалось тоже немало. Ведь на целину в своё время посылали действительно лучших! Они проходили строгий отбор. Партийные, комсомольские, профсоюзные организации выдвигали из своих рядов, рекомендовали самых достойных, отвечали за них.

Этот человеческий потенциал неравнодушных к судьбе отчизны людей, способных жертвовать личными интересами ради общественных, пассианариев, как называли бы их сейчас, сохранился на целине до сих пор, а в годы, о которых ведётся здесь речь, был тем более особенно высок.

Тем не менее, эйфории и задора, характерного для первоцелинников, заметно убавилось. Зато проблем оставалось – хоть отбавляй!

Кое-где после распашки степи оказались растревоженными пески. Загуляли пыльные бури, что привело земледельцев к дополнительным затратам: приходилось делать полосные пары. Это когда на поле засеянные полосы чередуются с паровыми. На следующий год полосы меняли местами. Кое-где под зерновые распахивали новые площади.

Быт целинников, так живописно показанный в фильме об Иване Бровкине, был ещё далеко не отлажен. Возведённые как временные, наскоро, из подручных материалов жилые дома – щитовые, камышовые, саманные, продолжали стоять (а кое-где сохранились и сейчас, более полувека спустя!). Надо было решать проблемы водоснабжения, отопления в суровые, со шквалистыми ветрами, зимы. Продолжать электрофикацию. Строить больницы, школы, клубы, прокладывать дороги. И, конечно, самое главное – давать Родине хлеб!

В те годы в соответствии с настойчивыми рекомендациями Никиты Сергеевича Хрущёва, любившего порулить сельским хозяйством в масштабах государства, повсеместно внедряли раздельную уборку. Суть её заключалась в том, что сперва зерновые скашивали на свал, в валки шести-, десяти-, и даже восемнадцатиметровыми жатками, и оставляли на четыре-пять дней лежать в поле. Затем в дело вступали комбайны с подборщиками.

Выгода этого способа уборки заключается в том, что скосить хлеб можно пораньше, когда зерно в стадии восковой спелости. Оно, лишённое подпитки от корней, быстрее созревает в валках, легче обмолачивается, темпы уборки возрастают. Метод этот практикуется иногда, в зависимости от складывающейся обстановки в уборочную страду, и сейчас. А тогда он был возведён в фетиш, признан обязательным к неуклонному исполнению всеми хозяйствами страны.

В совхозе «Советская Россия» это указание партии не выполнили. Урожайность в неблагоприятном 1963 году по всей области оказалась низкая. Как водится, принялись искать виноватых. А «Советская Россия» по итогам уборочной страды заняла последнее место в районе. Вот что бывает, когда игнорируют указания партии!

С должностей сняли всех руководителей совхоза, даже, под горячую руку, и главврача местной больницы.

Потребовалось укрепить «Советскую Россию» новыми кадрами.

Директором совхоза назначили уже проверенного в деле Якова Романовича Штильмана. Он, в свою очередь, предложил на должность управляющего центральным отделением Виктора Дмитриевича Борникова.

Главным агрономом хозяйства стал Борис Тимофеевич Ревазов, чеченец по национальности. Родом он был из Илекского района, слыл грамотным специалистом, энергичным, толковым.

Семья Борниковых переехала в Елизаветинку, начали устраиваться на центральной усадьбе. Жена Тамара, библиотекарь по образованию, стала работать в торговле – места по специальности ей не нашлось. Мама Виктора Дмитриевича, Дарья Васильевна, долго не могла привыкнуть к новому месту, причитала:

– И куда ж мы приехали! В голую степь! В Пономарёвке всё было – и дом, и хозяйство. А здесь – ни кола, ни двора...

В 1965 году в Елизаветинке родился у Борниковых третий сын, Евгений.

В «Советской России», в отличие от других целинных совхозов, работало немало исконного, коренного населения, что способствовало стабильности кадров. Кусем, Кускуль, Энбекши – казахские сёла. Прирождённые скотоводы, чабаны, местные казахи успешно осваивали и новые для себя профессии хлеборобов – трактористов, комбайнеров, полеводов.

Село Елизаветинка – старинное, казачье, ещё при государыне Екатерине основанное. Здесь испокон веков хлеб выращивали. Но и народ не простой, особого подхода требующий. Например, сколько лет после революции, Гражданской войны прошло, а тут помнили хорошо, кто за «красных» был, а кто «белым» сочувствовал, кто кого раскулачивал. Не забывали старых обид!

Но хватало и приезжих, тех, кто рассматривал целинный совхоз как временное место жительства, стремился перекантоваться, пока не подвернётся другая, более подходящая работа.

И со всеми этими людьми надо как-то ладить, нацеливать их на созидательный, результативный труд.

Масштабы хозяйства тоже впечатляли: 36 тысяч гектаров посевных площадей, 11 бригад, около тысячи человек работающих...

Прежний директор совхоза по фамилии Новокрещенов был мужиком здоровенным и громогласным. Любил поругаться, материл подчинённых так, что за версту слышно было. А мог, рассказывали, в сердцах и по уху кулаком приложить.

Штильман действовал мягко, интеллигентно, с подходцем, не забывал похвалить вовремя, поощрить человека за хорошо выполненную работу. К тому же он умел подбирать грамотные кадры, окружил себя толковыми специалистами, руководителями среднего звена, бригадами – и дело в «Советской России» пошло на лад.

Вскоре совхоз перестали поругивать привычно на совещаниях разных уровней, «Советская Россия» вышла в передовые хозяйства района и области.

К тому времени Виктор Дмитриевич Борников поступил в Оренбургский сельскохозяйственный институт, на агрономический факультет. В 1965 году главный агроном «Советской России» Ревазов пошёл на повышение. Его пригласили стать главным агрономом только что образованного Светлинского района. А на освободившуюся вакансию назначили Борникова.

Яков Романович Штильман, будучи неплохим организатором, оставался по сути своей городским человеком, производственником. Работа на земле не стала его призванием на всю жизнь. Относился он к ней добросовестно, ответственно, но чувствовалось – душа не лежала. Поруководив совхозом около полутора лет, он возглавил Адамовскую районную сельхозтехнику. К тому времени где-то там, в партийных верхах, старые грешки ему простились, и вскоре Якова Романовича после ударной работы на целине восстановили в партии, вернули в Москву,

где он на солидных должностях дослужился до пенсии. Но те, кто трудился с ним в Оренбуржье, сохранили о Штильмане добрую память.

А директором «Советской России» стал Бахчан (по паспорту – Бахиджан) Калиевич Калиев – личность на целине легендарная, заслуживающая того, что бы быть увековеченной в истории Оренбуржья. Именно при нём совхоз получил такой заряд энергии, что и сегодня, больше полувека спустя, это хозяйство остаётся одним из лучших не только в области, но и в стране.

Бахчан Калиевич ко времени своего прихода в «Советскую Россию» в сельском хозяйстве новичком не был. Успел поработать председателем сельсовета в Карабутаке (село это известно тем, что в его окрестностях погиб в спускаемом аппарате лётчик-космонавт Владимир Комаров), заместителем директора совхоза «Заря коммунизма», который возглавлял в ту пору тоже известный в Оренбуржье аграрий Наум Исаакович Зилист. Последняя должность Калиева перед назначением в «Советскую Россию» – директор откормсовхоза «Адамовский». Но там масштабы были не те. Только в «Советской России» в полной мере раскрылся талант Бахчана Калиевича как руководителя жёсткого, волевого типа, вникающего во все детали производственного процесса, умеющего добиваться высочайших результатов, не забывая при этом о нуждах людей.

– Яков Романович Штильман был человеком демократичным, – вспоминает сейчас, много лет спустя, Виктор Дмитриевич Борников. – Мог войти в положение, простить незначительные грешки, упущения по работе. А у Калиева не побалуешь! Сам человек невероятно работоспособный, настойчивый, целеустремлённый, он требовал того же и от подчинённых. Дело – прежде всего. Поставленные им задачи должны были выполняться беспрекословно, точно и в срок. Никакие обстоятельства, отговорки не принимались. Сказано – сделано. Только так, и не иначе. Я у него многому научился...

Средняя урожайность в совхозе в то время составляла всего 7 – 8 центнеров с гектара. В особо удачные 1966 и 1967-й годы, когда природа расщедрилась, собрали по 12 – 15 центнеров с гектара. Такое положение дел главного агронома «Советской России» Борникова никак не устраивало.

Вроде бы делали всё правильно, проводили в полях все предписанные сельскохозяйственной наукой агротехнические мероприятия, но урожайность всё равно зависела в основном от погоды. Выпало больше дождей – колос полновеснее, урожай выше. Припоздали осадки – и собирать нечего.

Нужны были семена новых сортов пшеницы, адаптированных к засушливым условиям земледелия Восточного Оренбуржья.

Понимал это и директор совхоза Калиев.

Теперь трудно даже представить, сколько сил, времени, энергии потребовалось директору и главному агроному на то, что бы одну за другой убедить десятки административных инстанций в необходимости создания на базе совхоза «Советская Россия» опытно-производственного хозяйства, где испытываются и производятся семена зерновых культур, наиболее подходящих к условиям произрастания на целине.

И нынче, к слову сказать, «Советская Россия» – единственная на востоке области площадка, где сохранили научные кадры, разрабатывают и внедряют новые сорта зерновых, сами получая при этом отменные урожаи. А всё начиналось тогда, в далёкие теперь 60-е годы...

Резковатый в общении, способный отчитать любого, кто, на его взгляд, допустил промах в работе, Калиев, тем не менее, проявлял отеческую заботу о людях. При нём совхоз развивался активно, обрёл как бы второе дыхание. Строились не только производственные помещения – склады, кормоцех, кошары, но и объекты социальной сферы. Дом культуры, больница, школы на центральной усадьбе и в отделениях, жильё для рабочих совхоза и специалистов. Благодаря

директору, газификация сёл Елизаветинка, Баймурат, Эмбекши проведена на тридцать – сорок лет раньше, чем в других целинных посёлках.

Причём надо заметить, что строились эти объекты, как тогда говорили, «хозспособом». То есть никакие денежные средства, стройматериалы централизованно на них не выделялись. Всё, от кирпича, цемента, гвоздей и досок до труб и кровельного железа, краски, требовалось изыскивать самим, выпрашивая, выменивая. А на что менять, если вся сельхозпродукция, произведённая в совхозе, строго учитывалась и выгребалась дочиста в закрома государства?! Но – хитрили, изворачивались, что-то припрятавали, действуя путём «личных контактов», получали что-то сверх лимитов... В итоге такой деятельности можно было заработать как орден, так и тюремный срок. Борникова с Калиевым пронесло. А те школы, клубы, жилые дома, производственные помещения, что удалось построить тогда, стоят и служат людям до сих пор.

С подчинёнными, включая заместителей, Калиев был строг, держал дистанцию. Но понимал, что иногда можно чуть отпустить вожжи, пообщаться, так сказать, в неформальной обстановке.

Времена тогда были суровые, выпивка не поощрялась. Но какой душевный разговор без рюмочки водки?

Как-то раз, уже в конце уборочной, Бахчан Калиевич посадил в машину Борникова и Курочкина, участника войны, которого уважал, и вывез на дальний полевой стан. Там была палатка брезентовая, снаружи – стол под открытым небом.

Директор совхоза поставил бутылку водки, шампанского. Нашлась и закуска.

– Вижу, устали вы, – сказал Калиев. – Полевые работы заканчиваются. Открой-ка, Виктор Дмитриевич, как самый молодой, бутылку шампанского. Выпьём по этому поводу.

Только Борников проволочку на горлышке шампанского открутил – отруда ни возмись «уазик» пылит. Первого секретаря райкома партии Власюка нелёгкая принесла!

– Убирай скорее спиртное! – только и успел вымолвить Бахчан Калиевич.

Виктор Дмитриевич, схватив бутылки, мигом сунул их под полог палатки.

Власюк выбрался из машины – важный, серьёзный. Осмотрел стол. Поинтересовался строго:

– Что это у вас тут за посиделки?

– Да вот, Алексей Ефремович, помотались по полям... Притомились... Уборочную заканчиваем. Присели перекусить маленько, – принялась оправдываться дружно компания.

– А-а... – благодушно улыбнулся первый секретарь. – Раз такое дело, могли бы и бутылочку прихватить!

– Что вы, мы не пьём... – начал было горячо возражать Борников, но тут под пологом палатки бабахнуло!

Все аж подскочили от неожиданности.

Раздалось явственное шипение шампанского, из которого вылетела пробка.

– Та-ак... – протянул Власюк. – Не пьёте, значит?

– Уборочную... заканчиваем, – пробормотал, отдышавшись от испуга, Курочкин.

Власюк хмыкнул понимающе, а потом заявил неожиданно:

– Ну, черти... Тогда и мне налейте чуток!

Этот забавный эпизод был всё-таки исключением из правил, а потому и запомнился Борникову на всю жизнь.

Так случилось, что автору этих строк примерно в ту пору, невероятно далёком теперь 1974 году, работать в уборочную страду именно в «Советской России».

Нас, студентов Оренбургского медицинского института в самом начале сентября сняли с занятий, посадили на поезд, и везли всю ночь до станции Шильда Адамовского района. Утром разместили в каком-то пустующем здании на окраине Елизаветинки. Условия – самые спартанские. Деревянный топчан – широкий, рассчитанный человек на пятнадцать – двадцать, тощие

матрацы, подушки да суконные солдатские одеяла. На дворе – рукомойник, удобства – в поле. Кормёжка – без изысков, зато работа от зари до зари.

Определили нас на ток. До сего дня остались в памяти огромные, высотой в несколько человеческих ростов, горы зерна, которое на самую верхотуру добавляла непрерывным потоком транспортёрная лента, подходящие беспрерывно, один за другим, полные хлеба грузовики.

Мы споро откидывали борта, лезли в кузов, и деревянными лопатами сбрасывали пшеницу на транспортёрную ленту. С непривычки нещадно ломило плечи и спину, так, что спать укладывались со стоном. А ещё пыль, жара, лязг транспортёра и урчание машин. Действительно, обстановка приближённая к боевой!

Народу в уборочную страду тогда нагоняли много. Студенты, школьники, солдаты, рабочие с промышленных предприятий. Понятно, что особо ценного работника ни один завод на месяц-другой в совхоз не отдаст. Народ среди прикомандированных иногда попадался бедовый. Шофера – из Московской, Ленинградской, других областей центральной России, которых целыми автоколоннами отправляли на целину, бывало, пили так, что, подъезжая под разгрузку на ток, выпадали из кабины и засыпали на гряде зерна. Такую картину я видел собственными глазами тогда, в 1974-м году.

Понятно, что поддерживать трудовую дисциплину среди этой разношерстной публики было не просто.

Помню, как наезжал периодически на ток коренастый, крепкий казах, которого боялись все местные. Он непременно кого-то отчитывал, ругал, отдавал резкие приказания, и напоминал мне генерала, командующего не слишком дисциплинированной армией. Это и был Бахчан Калиевич Калиев.

Эта его резкость, стремление рубануть с плеча, однажды чуть не стоили Борникову жизни.

В ту пору по стране колесили бригады так называемых «диких» строителей, состоящие в основном из кавказцев. За характерную внешность и временный, перелётный характер работы с весны до осени, их ещё называли «грачами». К их услугам нередко прибегали в хозяйствах, где не хватало квалифицированных рабочих. Подрядившись за определённую сумму, «дикие бригады» строили коровники, кошары, склады, объекты соцкультбыта. Закончив работу, получали расчёт, и убывали в неизвестном направлении.

Строить они умели, но за качеством их работы нужен был глаз да глаз. Ибо в отдалённой перспективе ответственности за то, что стало с построенным ими объектом, они не несли. А потому могли и схалтурить, сляпать на скорую руку – лишь бы деньги урвать.

Однажды Борников остался «на хозяйстве» за Калиева. Бахчан Калиевич имел многолетнюю привычку закончив уборочную, уезжать в санаторий.

Стояла поздняя осень. Уже в сумерках, в семь часов вечера, главные специалисты совхоза собирались в конторе на планёрку с тем, чтобы подвести итоги прошедшего рабочего дня, наметить планы на завтрашний.

Борников, исполнявший обязанности директора, сидел за столом в кабинете Калиева.

За окном совсем потемнело, по стёклам барабанил осенний затяжной дождь. За дверью, из приёмной, доносились голоса – народ подтягивался на совещание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.